

Научная статья

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/74-80>

ДИАЛОГ ИСКУССТВ В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ СЛАПОВСКОГО «СЕРАЯ ВЕТКА»

Юлия Михайловна Замуреева¹

Научный руководитель: **Татьяна Федоровна Панченко**²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

¹ Бакалавр, zamureeva.yu@dvfu.ru

² Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ, panchenko.tf@dvfu.ru

Аннотация. В статье проанализированы случаи, когда найденные символические образы изобразительного искусства обретают существенные смысловые функции в литературе. В сложном культурном диалоге гобелен играет роль смыслового катализатора, становясь отражением неоднозначного мира символов художественного произведения. Симбиоз мирового искусства и русской литературы порождает двойной эффект, подчеркивая идею применения новаторских форм А.И. Слаповским при взаимодействии с современным читателем.

Ключевые слова: Слаповский, Жан Перреаль, экфрагисис «Дама и единорог» Трейси Шевалье, современная проза, гобелен, символ

Для цитирования: Замуреева Ю.М. Диалог искусств в романе Алексея Слаповского «Серая ветка» / науч. рук. Т.Ф. Панченко // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1. № 4. С. 74–80.

Original article

THE DIALOGUE OF ARTS IN ALEXEY SLAPOVSKY'S NOVEL «THE GREY BRANCH»

Yulia M. Zamureeva¹

Scientific advisor: **Tatyana F. Panchenko**²

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹ Bachelor, zamureeva.yu@dvfu.ru

² Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Oriental Institute – School of Regional and International Studies panchenko.tf@dvfu.ru

Abstract. The article analyzes the cases when the found symbolic images of fine art acquire significant semantic functions in literature. In a complex cultural dialogue, the tapestry plays the role

of a semantic catalyst, becoming a reflection of the ambiguous world of symbols of an artistic work. The symbiosis of world art and Russian literature generates a double effect, emphasizing the idea of using innovative forms by A. I. Slapovsky in interaction with a modern reader.

Key words: Slapovsky, Jean Perreal, ephraxis “The Lady and the Unicorn” by Tracy Chevalier, modern prose, tapestry, symbol

For citation: Zamureeva Y.M. The Dialogue of Arts in Alexey Slapovsky’s Novel “The Gray Branch” / sci. adv. T.F. Panchenko // Far Eastern Philological Journal. 2023. V. 1. № 4. P. 74–80. (In Russ.).

Погружаясь в мир выразительного пространства, наполненного многочисленными ассоциациями, сложными метафорами, символами, глубокой цветовой палитрой, мы не задаемся вопросом, где кончается литература и начинается искусство. Такой вид целостности сохраняет свое правомерное бытование в современной культуре. Ощущение культурной многоплановости и глубины новаторских поисков А.И. Слаповского позволяет в полной мере проникнуться обаянием произведений мировой культуры – в данном случае гобеленом, что, безусловно, имеет важное значение. Секрет новаторства А.И. Слаповского лежит в осознании сложности духовной жизни современной эпохи, взаимодействии и единстве литературы с искусством.

Цель исследования заключается в определении роли и символики гобелена «Вкус» из серии «Дама с единорогом» художника Жана Перреаля (см. рисунок) в романе А.И. Слаповского «Серая ветка». В сложном культурном диалоге гобелен играет роль связующего элемента, становясь отражением неоднозначного мира символов художественного произведения.

Научная новизна исследования состоит в проведенном впервые аспектном анализе, позволившем выявить образно-символическую структуру романа, что феноменально для современной литературы: во время переломной эпохи мы наблюдаем активный процесс взаимных влияний видов искусств, художественного синтеза в сфере непосредственного единения разных видов.

Гобелен (шпалера) «Вкус» из серии «Дама с единорогом», художник Жан Перреаль

Современные писатели охотно применяют понятные современному читателю художественные формы для раскрытия своего потенциала. Под художественными формами взаимодействия с читателем мы понимаем вкрапление в композиционную структуру «Серой ветки» как иллюстративные материалы. Несмотря на малоизученность композиционных особенностей прозаических форм новейшей литературы, их исследование важно для дальнейшего осмысления жанрового своеобразия современных произведений. Так, фотороман – новый жанр, где соединяются традиции реализма с постмодернистской художественной техникой.

В основе названия «Серая ветка» А.И. Слаповского лежит серый цвет, который трактовался в разные эпохи по-разному. В древности и средневековье этот цвет совершенно не ценился. С началом эпохи Возрождения он приобрел следующие значения: уныние, ошибка, обман. Это цвет скуки и тоски, городской тесноты, тумана. Возможно, А.И. Слаповский, используя серый цвет еще в начале романа – в его названии, хотел намекнуть на простоту своих героев с точки зрения их современных взглядов на жизнь. На языке символов, по мнению А. Белого, серый цвет означает становление пути всего человечества, «я» каждого: *«Серая пыль, оседающая на все, серое море, гасящее свет», невезение и незнание вместе с тем его сопровождающие, потерю идеалов и ориентиров»* [3, с. 65]. С одной стороны, серый цвет – это цвет бессилия и подавленности, которые в романе Слаповского характерны для главного героя Дмитрия. Особую важность приобретает его личная история и то, что он за всю жизнь не смог обрести чувства родины. Он знает, что родины у него никогда не было и быть не может. Все пространство вокруг героя, да и сам его внутренний мир серый. С другой стороны, серый цвет означает эгоизм и отказ от обязательств. Особенно ярко это проявляется в завязке действия, представляющей собой встречу Веры и Дмитрия, где они обсуждают развод – событие, на котором строится основной конфликт романа. Так, символика названия «Серая ветка» соответствует замыслу автора в двух отношениях: в первом случае это станция метро, во втором – ветвь генеалогического древа, отражающая связь трех поколений – из прошлого, настоящего и будущего.

Финал является открытым, отсутствие развязки активно работает на идейно-символическое своеобразие романа, дополняя и уточняя его. Русская литература в сравнении с зарубежной отличается приверженностью к открытым финалам. В финале романа мы видим в письме отца Дмитрия следующие слова: *«...где любовь, там и родина. Тут еще написано то, чего нет, и сам догадайся»* [8, с. 238]. Когда у героя возникло подлинное представление о родине и любви, все бесконечные поиски квартиры неподалеку от «Серой ветки» потеряли свою содержательную ценность. Особую важность приобретает не изменение положения героя, а преобразование его внутренней сущности. Само же понятие *«символ»*, как указывал писатель Т.А. Кеннер, обладает диалогичностью, многозначностью [6, с. 14]. Этим диалогом с самим собой пронизан роман Слаповского. Роман начинается с диалога и завершается диалогом. Именно поэтому финал проясняет и разрешает коллизию художественного произведения, оставаясь при этом открытым, что, вероятно, и оправдывает стремление найти ключ к разгадке, определив роль и символику гобелена «Дама с единорогом» в романе Слаповского «Серая ветка». Герой оставлен на пороге, ему предстоит новый, долгий путь.

Наиболее значимым в настоящем исследовании оказывается то, как Слаповский, вступая в литературный диалог с Трейси Шевалье, использует в своем романе лишь один гобелен под названием «Вкус» из серии «Дама с единорогом» для раскрытия доминирующей темы невзаимной любви. Т. Шевалье в сюжете романа «Дама и единорог» использует целую серию

гобеленов для воплощения идейно-смыслового содержания всего произведения. Можно предположить, что изображение гобеленов (шпалер) является в романе основой художественного осмысления взаимодействия искусства и жизни. Смысл сюжета романа Т. Шевалье «Дама и единорог» заключается в том, что главный герой художник Николя при создании серии гобеленов изображает жизнь женщины, прежде всего Дамы, воплощенной в образах разных героинь. Художник при этом стремится придать сюжету своих шпалер двойкий смысл, и тогда история невинной девы, приручающей зверя, вбирает в себя целую жизнь женщины от рассвета и до заката: эта история повествует об испытаниях, выпадающих на долю женщины, и о том нелегком выборе, который ей приходится совершать раз за разом [10, с. 95]. И это для нас становится ключевым в понимании основного конфликта романа Слаповского. Мать героини Клод сохраняет верность своему мужу в отличие от героини Слаповского Веры, которая изменяет Дмитрию. Автор не создает обстоятельств, оправдывающих Веру. Вина Веры для Слаповского – в уклонении от предназначения жены и матери. Она приводит к разрушению семьи: их сын Митя растет без отца, которого никто не сможет заменить. Напротив, Женеваева, героиня романа Т. Шевалье, натура глубокая, полная сосредоточенного серьезного нравственного чувства.

Цветовой характер композиции гобелена организуется благодаря следующим ведущим цветам: красному и зеленому, в меньшей степени синему и коричневому, редко встречается белый и черный. Цветовое напряжение и плотность контрастов цвета достигают своего апогея. В романе Т. Шевалье красный цвет символизирует кровь Христа, пролитую за человечество, в то время как красный в романе А.И. Слаповского символизирует кровные связи или же кровное родство людей. Картина хоть и содержит элемент пейзажа, но он не главный в восприятии и понимании иллюстрации. В центре гобелена изображена дама. В выражении ее больших глаз кроется пристальное внимание, поза преисполнена величия и благородной непринужденности. Пространство и тело как бы формируют друг друга. Дама представлена в пестром одеянии простого и изящного фасона со множеством оттенков красного: оранжевого, пурпурного, алого, вступая в сложный диалог с более светлым, коричневым, а также с контрастирующим с ним синим цветом. Такая насыщенность в одеянии дамы усиливается цветовым контрастом (красного и белого), выражающим трагичность [8, с. 43]. Светло-голубые узоры на ее одежде ассоциируются с чистотой помыслов и непорочностью. Однако главное в гобелене не личность дамы, а сам сюжет. Более того, с гобеленом связана легенда о пленении единорога. В лесу дама манит зверя музыкой, сладостями и цветами. Наконец он сдается и кладет ей голову на колени. Традиционный средневековый сюжет приручения единорога связан с образами непорочной девы и огражденного цветочного сада (*pure maiden and fenced flowery garden*), в котором единорог остается по своей воле [12, р. 8]. Возможно, изображение единорога на коленях у девы символизирует его покорность перед ее невинностью. Особенность амбивалентности ведущего красного цвета сада отмечена как необходимость жизненного выбора и в то же время как приближение необратимой трансформации в мироздании двух дуалистических начал — жизни и смерти, ада ирая. На левой руке дамы сидит попугай, а ее правая рука извлекает желуди из Чаши Грааля, которую ей подает камеристка, и пока она кормит попугая, единорог подходит к ней ближе, но все еще стоит на задних ногах, отвернувшись в сторону. Еще немного – и он покорен. Ее цель – соблазнить и приручить его, а ее нежный взгляд указывает на то, что это животное, возможно, является посланником ее возлюбленного. Исходная взаимосвязь изображения Грааля и названия гобелена «Вкус» осмысливается как поиск внутреннего совершенства и

как несбыточные желания самой дамы [2, с. 248]. Взаимодействие цветочных форм захватывает, побуждая сопоставлять с романом А.И. Слаповского это таинственное триединство.

Фамильная реликвия (*гобелен*) является для главного героя Дмитрия в романе Слаповского значимым символом отчего дома и беззаботного детства. Кроме того, гобелен служит символом уже предначертанной судьбы, искусно изображенного на нем смирения перед лицом будущих событий. Отец Дмитрия дарит гобелен ему, а он – своему сыну Мите. Поэтому главное противопоставление между романом А. Слаповского и Т. Шевалье в том, что в романе последнего мать дарит эту шпалеру своей подрастающей дочери, а у Слаповского наоборот – отец дарит ее сыну. М.М. Бахтин отмечал, что в символе заключен момент противопоставления своего чужому [1, с. 26]. Это теплота любви, заключенная в красном цвете, и холод отчуждения, отраженный в синем цвете. Негативная символика синего исходит из близости этого цвета к черному (цвету смерти и зла) [8, с. 11]. Синий или голубой цвет преобладает как в одеянии служанки в сочетании с красным, так и на накидках с фигурами золотых полумесяцев у льва и единорога, достаточно полно раскрывающих основные черты поэтики творца. В изображении пространства художник отдал предпочтение красному, а не классическому белому или голубому. Красный имеет значение свободы и надежды, кроме того, красный цвет – это еще и стихия огня. Сюжетный конфликт в романе Слаповского раскален до предела, и только очищающая сила огня способна возродить героев «Серой ветки» к жизни, вырвать из порочного круга этого серого застоя, что служит ключевым аспектом в понимании действий героини Веры. Персонаж как элемент сюжета всегда обладает внутренней свободой и, следовательно, моральной ответственностью. Так, Вера относится к своему мужу безразлично, брак с ним ее тяготит, в то время как отношения с Максимом придают ей чувство легкости и свободы. Легкость Веры продиктована ее страстной натурой, оттого Вера избрала путь любовной героини. Красота героини имела силу не созидательную, а роковую. Так, Вера, являясь носительницей разрушительного начала, утратила свое духовное «я». Изображение на гобелене женского образа в контексте пяти чувств (Слаповский остановил свой выбор на «Вкусе») выражает стремление к обнаружению взаимосвязи между чувственным началом женщины и похотью, о чем ранее также писал шведский искусствовед Carl Nordenfalk, ссылаясь на эдемскую историю: *«ассоциация пяти чувств с похотью не оставляет сомнений в резком, по сути, средневековом отношении – в том, что они являются орудиями греха. Это также очевидно из того, что он поместил в самом начале книги еще один сосуд, посвященный первой неразумной женщине в истории человечества, Еве, которая в результате грехопадения принесла в мир первородный грех – безусловно, самый выдающийся пример человеческой глупости»*, (“The association of the Five Senses with lust leaves no doubt about Badass basically medieval attitude – that they are instruments of sin. This is equally evident from his placing at the very beginning of the book yet another vessel, dedicated to the first foolish woman in the history of mankind, Eve, who by the Fall brought original sin into the world – certainly the most outstanding example of human folly” [10, p. 16]).

Символично-мифологическая основа гобелена выражается изображением животного и растительного миров. Так, изображение трех стволов деревьев перекликается с символикой этого числа в романе А. Слаповского: в произведении мы видим три поколения, три дома. Кроме того, в романе символично число «два». На гобелене можно обнаружить дополняющие друг друга образы двух кроликов, а также демонических зверей на переднем плане – коз и обезьян. Встречаются образы и других животных: собака на подоле дамы служит символом

верности, а ягненок – напоминанием о Деве Марии и Иисусе Христе. Выявленная сакральная мифологизация символических образов придает гобелену возвышенный характер. Помимо этого, образы дамы и камеристки, льва и единорога на среднем плане привносят динамичности в сюжет гобелена. В.В. Иванов также рассматривал образ единорога как символ чистоты и девственности, отсюда возникает более поздняя христианская трактовка связи единорога с Девой Марией и Иисусом Христом [5, с. 78]. Лев, в свою очередь, символизирует знатность, силу и храбрость, дополняя чистоту и воинственность единорога. Это можно объяснить следующим образом: с одной стороны, единорог как светлое начало означает смирение и принятие воли судьбы, с другой – лев как темное начало символизирует страх и сопротивление грядущей трансформации и перерождению. Дуализм и связанный с ним выбор героини Веры в романе Слаповского (остаться верной женой или пойти на предательство) представлен контрастирующими фигурами единорога и льва. Стоит отметить, что в романе Т. Шевалье лев служит примером укрощенной дикости, оттого героини ее романа мать Женевьева и ее дочь Клод предпочитают оставаться верными своему выбору, отказываясь от чувственных страстей, в отличие от Веры в романе Слаповского [9]. На гобелене Дама выглядит так, точно стоит на перепутье и еще не сделала выбор между искушением и нравственностью. Таким образом, можно обосновать авторский выбор в качестве иллюстрации гобелена «Вкус» в романе «Серая ветка». Этот сложный мотив может быть интерпретирован тем, что именно вкус помогает почувствовать любовь к ближнему, как отмечал Джордж Бернард Шоу [4, с. 379]. Обоняние становится способом почувствовать любовь к человечеству, вкус – любовь к ближним, осязание – любовь родителей к детям. Доминирующую тему невзаимной любви и последующего предательства можно обнаружить в романе Слаповского во всех образах, а второстепенные темы только лишь усиливают ее. Так, Вера страдала от нелюбви к Дмитрию, мать Дмитрия страдала от нелюбви к его отцу – своему мужу. Слаповский метафорически осмысляет современность как пространственно-временной континуум, где уроки еще не извлечены, что приводит к постоянным повторам одних и тех же ситуаций, встречающихся из поколения в поколение.

Таким образом, на данном этапе исследования можно сделать следующие выводы.

Сюжетная схема представляет собой кольцо. И само название «Серая ветка» подчеркивает эту закольцованность мыслей, событий, образов и всего романа. Писатель сумел почувствовать ее и использовать для отражения художественного замысла.

Основная проблема романа – острая необходимость для человека любви, веры, надежды, которые определяют смысл жизни, и невозможность, неумение современного человека достигать этих состояний и чувств. Соответственно главные герои «Серой ветки» представляют опустошенный, дезинтегрированный, разорванный тип личности. Они фактически не развиваются, а трансформируются, попадают в тупики, в ситуации неразрешимого экзистенциального выбора.

Само художественное содержание гобелена глубоко диалогично и зиждется на постоянном взаимодействии противоположностей. Доминирующая тема невзаимной любви раскрывается путем использования символической детали (гобелена), которая сочетает в себе принципы диалогичности. Более того, полифонично воплощение темы в сложной композиции и в стихии алого цвета крови, связанного с основными мотивами гобелена и его героями, а мы помним о том, как важна тема родства и кровных связей в «Серой ветке».

Художественные искания А.И. Слаповского отражают глубокое понимание природы романного жанра и возможностей его поэтики, что позволяет автору в модификациях «старой» формы отразить новое содержание.

К принципиально новым авторским формам взаимодействия с читателем фоторомана «Серая ветка» относятся: вкрапление в композиционную структуру многочисленных иллюстративных материалов (это и фотографии, и записи в метро, и даже одно видео), которые дополняют прозаический сюжет.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 412 с.
2. *Бейли Г.* Потерянный язык символов. М.: Ассоциация духовного единения «Золотой век», 1996. 348 с.
3. *Белый А.* Символизм как миропонимание М.: Республика, 1994. 528 с.
4. *Шоу Дж. Б.* Дом, где разбиваются сердца. М.: АСТ, 2017. 416 с.
5. *Иванов В.В.* Единорог // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. М.: Рос. энциклопедия. Т.1. 1994. 429 с. Шоу Дж. Б.
6. *Кеннер Т.А.* Символы и их скрытые значения: происхождение и тайный смысл знаков и символов современного мира. М.: Мартин, 2010. 160 с.
7. *Пастуро М.* Красный. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 105 с.
8. *Пастуро М.* Синий. История цвета. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 108 с.
9. *Слаповский А.И.* Серая ветка. М.: Издательские решения, 2016. 240 с.
10. *Шевалье Т.* Дама и единорог. URL: https://bookscafe.net/read/shevale_treysi-dama_i_edinorog-241096.html#p1 Шевалье Т.
11. *Nordenfalk C.* The Five Senses in Late Medieval and Renaissance Art // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1985. V. 48. P. 1–22.
12. *Ronnenberg A., Martin K.* (eds.) The Book of Symbols: Reflections on Archetypal Images (The Archive for Research in Archetypal Symbolism). Cologne: Taschen, 2010. 810 p.

Статья поступила в редакцию 03.12.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 03.12.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 05.12.2023.